

АНДРЕЕВ Анатолий Николаевич — доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского (ПКУ) (109004, Россия, г. Москва, ул. Земляной Вал, 73; anandreev58@mail.ru)

КАЩЕНКО Татьяна Леонидовна — кандидат философских наук, доцент Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского (ПКУ) (109004, Россия, г. Москва, ул. Земляной Вал, 73; tanyakashch@mail.ru); ведущий научный сотрудник Финансового университета при Правительстве РФ (125993, Россия, г. Москва, Ленинградский пр-кт, 49)

ЮЛИНА Галина Николаевна — кандидат педагогических наук, доцент; и.о. директора Института социально-гуманитарных технологий Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского (ПКУ) (109004, Россия, г. Москва, ул. Земляной Вал, 73; UlinaGN@mgutn.ru)

МАССОВАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ФАКТОР РАЗРУШЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ СРЕДЫ

Аннотация. Статья рассматривает проблемы массовой литературы как явления эстетического и социального. В связи с обозначенными критериями художественности выстраиваются две парадигмы, отражающие дихотомию возможной и реальной роли литературы в современном обществе. Авторы рассматривают критерии разграничения литературы и нелитературы. С одной стороны, литература, стиль, писатель, проза, читатель, с другой — чтение, автор, книга, потребитель. Литература или чтение, читатель или потребитель — таков выбор общества. Пока неизвестно, как общество собирается решать эту проблему; известно лишь, что не решать ее — значит усиливать риски растраты духовных и гуманистических начал.

Ключевые слова: массовая литература, культура, индивид, личность, сознание, бессознательное

В предлагаемой работе авторы продолжают разговор о личности, индивиде и самом феномене литературы, начатый ими в статье «Глобализация как литературное явление» [Андреев, Кащенко, Юлина 2019]. Массовая литература, о которой говорят все чаще, но как-то вскользь и неглубоко, прекрасно себя чувствует, цветет и пахнет, кто бы что ни говорил. Любую хулу она воспринимает как похвалу, ибо ее специализация — выворачивать назнанку культурные критерии: ругают — значит замечают. По своему ценят. Черный пиар — лучший пиар.

Так-то оно так, однако массовая литература прекрасно себя чувствует там, и только там, где культурные критерии не обозначены должным образом. Но стоит назвать вещи своими именами, например отказать в праве массовому чтиву называться литературой, ситуация заметно меняется.

Казалось бы, называть вещи своими именами — самый черный, следовательно, наилучший пиар. Ан нет. Не срабатывает. В чем тут дело? Массовая литература чувствует себя комфортно при одном решающем условии: она обожает, когда к ней относятся как к литературе. Высокой или низкой, плохой или хорошей, талантливой или бездарной — это уже детали, это можно пережить; главное — присутствовать в номинации «литература». Поговорить о литературе, о писателях, о читателях, о прозе, о романах (ибо массовая литература — это прежде всего прозаический дискурс) — любимое дело тех, кто к предмету разговора не имеет никакого отношения.

Когда мы по умолчанию начинаем обсуждать подделки в терминах высокого искусства, надо отдавать себе отчет: это победа чтива. «Приключенческий роман», «любовный роман», «женская проза», «сетевая литература»... Сам термин «массовая литература», которым обозначается нечто противоположное литературе, — это в известном смысле поражение литературы.

Разумеется, разграничение литературы и нелитературы (квазилитературы, паралитературы) — достаточно тонкий, чувствительный и с эстетической, и с

нравственной, и с социальной точек зрения вопрос. Поэтому для разговора в формате научном необходимы научные аргументы. Литературу от читыва (качественного или нет — это вопрос десятый) отличают три критерия.

1. В плане содержательном литература отличается тем, что подлинным предметом изображения писателя становится процесс превращения индивида в личность. Нет этого процесса — нет литературы. Такая литература превращается в способ «духовного производства человека». «Личность» с точки зрения духовно-информационных возможностей отличается от «индивида» количеством и качеством потребляемой и обрабатываемой духовной информации: в первом случае мы имеем дело с регуляцией процесса жизнедеятельности от «ума» с управлением сознательного типа, во втором — с регуляцией всех отношений с миром, в т.ч. с собой, от «души», от психики (бессознательный тип регуляции).

Разумеется, индивида невозможно оторвать от личности: эти стороны человека, становящиеся функциями культуры, следует не только диалектически развести, но и диалектически увязать друг с другом, продлить одно измерение в другое. И все же в плане принципиальном, в плане различий между психикой и сознанием (становящихся, в свою очередь, проявлением различий между натурой и культурой) разграничения между разными субъектами культуры налицо. В массовых литературных поделках главным героем становится по преимуществу индивид, в литературе как таковой (которая и является, собственно, художественной) — личность.

Экзистенциально чуткая, персоноцентрически ориентированная литература является критической по отношению ко всему тому, что мешает реализоваться личности, прежде всего к таким стратегиям, как социализм и индивидуализм. В этом смысле стоящая на страже интересов личности литература вечно протестует, бунтует, отрицает. Ее родовой отметиной является не просто пассионарность как таковая, но персоноцентрическая по своему генезису пассионарность.

Итак, индивида от личности отделяет способ управления духовной информацией. Способом превращения индивида в личность выступает умение мыслить. Именно конфликт типов управления информацией и является объектом изображения в литературе, ибо все духовные коллизии человека коренятся в информационной природе конфликта [Аралова 2014].

2. Для того чтобы изобразить личность, требуются совершенно особые навыки (здесь от плана содержания мы переходим к плану выражения, так сказать, от вещества художественности к ее технологии). Приращение смысла в произведении, организованном по законам художественности, происходит не по «частям» и не по «кусочкам», из которых лепится целое, а с помощью «единиц», которые можно назвать «моментами целого». Океан набирается из отдельных капель, которые содержат в себе все свойства океана. Гениальные романы, несмотря на свой чудовищный по современным художественным меркам объем, состоят из фрагментов, которые так или иначе содержат в себе целое. Причем чем больше качественных характеристик целого содержит отдельный фрагмент, тем он более индивидуален и выразителен с одной стороны; а с другой — именно из уникальных в своей выразительности моментов структурируется то самое художественное целое. Высшее, родовое проявление художественности — это когда в «одном» непременно отражается «все», и это «одно» направлено на воплощение личности. Для этого, и только для этого, необходим стиль.

Иначе говоря, стиль рождается там, где присутствует художественность, ибо это способ воплощения художественности. Таким образом, быть великим писателем — дело достаточно простое, за исключением того пустячка, что стать им невозможно: надо им родиться.

3. Стиль, с помощью которого художественно передается процесс превращения индивида в личность, неизменно стремится к тому, чтобы так или иначе реализовать свойства шутового (игрового) дискурса, ибо именно такой дискурс становится способом художественного существования сложнейшего концептуального философского материала. Шутовый дискурс непосредственно связан с пассионарностью, которая превращает литературу в форму протеста против всего того, что препятствует духовному совершенствованию человека, его стремлению реализовать себя как личность. Почему комическое начало, шутка, становится в информационном отношении максимально насыщенной единицей, максимально содержательным моментом целого?

Коротко на этот вопрос можно ответить следующим образом. По закону сопряжения духовно-эстетических категорий содержанием комического (сатиры, юмора, иронии) является трагико-драматическое и героико-личностное начало; содержанием шутки становится концептуально выстроенное мировоззрение, научно-философское по своему характеру.

Понятно, что массовая литература стремится выглядеть литературой прежде всего в плане содержания (отсюда родо-жанровая узурпация: роман, проза), игнорируя стиль, т.е. не отдавая себе отчет в том, что стиль формирует содержание. Вот почему массовая литература отчасти информативна, но в принципе бессодержательна. Разница между массовой литературой и литературой такая же, как между любительской фотографией и художественным портретом.

Итак, литература – феномен стиля – возможна только там и тогда, где и когда объектом изображения становится конфликт типов управления информацией, а предметом – процесс превращения индивида в личность. Содержательность, идейно-концептуальная (в идеале – философская) насыщенность литературы такова, что для адекватной передачи информации, определяемой качеством «художественность», необходим стиль. Читиво вполне обходится без стиля, литература – это прежде всего стиль.

Художественная литература, ставшая предметом познания, описывается как сложная система систем (целостность), ключевые параметры которой достаточно просты и вняты для специалистов: литература, художественность, стиль, писатель, проза, читатель. Путаница возникает уже в самом начале: и авторы, и писатели создают книги, где рассказаны (иногда довольно искусно, литературно) истории из жизни. Массовое сознание, с которым так мило лобызается массовая литература, не способно различать книгу как коммерческий продукт и книгу как феномен литературы. И массовая литература, беря себе в союзники массовое сознание, явочным порядком вписывает себя в литературный контекст, в литературный процесс, соотнося свою книжную продукцию с книгами писателей. Достаточно взять в руки книгу – и ты стал «читателем» (на самом же деле – всего лишь потребителем книжной продукции). «Романы» писателей и авторов стоят на одной полке библиотеки или книжного магазина (да еще в алфавитном порядке): это варварство, давайте называть вещи своими именами.

На языке научном то же самое звучит совершенно безобидно: перед нами подмена понятий, к которому привело двойное значение термина «литература». Но вот в отношении нравственном и социальном такая подмена вовсе не столь уж безобидна; если говорить прямо, то мы имеем дело с эффективным инструментом варваризации сознания. Дело в том, что читиво, создаваемое авторами, не имеющими к прозе ни малейшего отношения, эксплуатирует высочайший культурный престиж литературы. Литература – феномен культуры, читиво – феномен природы, рядящейся в культурные одежды. Иначе говоря, читиво является выражением ценностей природы и ее субъекта – индивида, которые фактически объявляются ценностями культуры.

Вывод прост: чтение — это вполне легальный и, увы, престижный способ истребления самой среды обитания личности и литературы. Чтение, автор, книга, потребитель — сегодня это формы невежества, противостоящие культуре. «Высокий» лозунг культуры: «ближе к плинтусу» («даешь качественное чтение!») фактически делает натуру точкой отсчета в делах человеческих.

Отсюда два прямых следствия. Первое: чтение, даже если оно в своих вечных сюжетах воспекает «разумное, доброе, вечное», принципиально безнравственно, ибо своим лишенным стилистическим языком оно может говорить лишь о глупом, злом, сиюминутном (и, следовательно, безобразном), а потому социальную опасность чтения не следует недооценивать. Именно так: отсутствие стилистики — это эстетическое зло, которое по цепочке «красота — добро — истина» актуализирует «зло добра» (безнравственность) и «зло интеллекта» (глупость). Проще говоря, о хорошем (правильном, добром) нельзя говорить «плохо», коряво, невразумительно: по закону соответствия формы содержанию начнешь за здоровье, а кончишь за упокой.

Второе: называть чтение хоть массовой, но все же литературой, авторов — писателями, плохую беллетристику — прозой, презирающих в себе личность потребителей чтения — читателями, значит, преднамеренно или непреднамеренно путая понятия, оказывать чтению «культурную» услугу, т.е. поощрять безнравственность.

В связи с указанным внесем два существенных уточнения.

Во-первых, смысл нашей работы состоит вовсе не в том, чтобы призвать к запрещению чтения, эдакого «исчадия ада»; это неразумно, потому что, к сожалению, ничто человеческое нам, писателям и авторам, читателям и потребителям, не чуждо. Окружающий нас бездуховный мир следует изучать так же внимательно, как и мир духовный. Мы считаем, что необходимо правильно расставить акценты: чтение и литература — два разных рода деятельности и, соответственно, два разных предмета исследования; следовательно, изучать их необходимо как человеческое и личностное измерение — в неразрывной связи, соблюдая при этом сущностную автономию. В этом контексте качественное чтение, «хорошая плохая литература» — не такой уж абсурд. Чтение, если уж на то пошло, должно быть хорошим — должно стремиться к уровню литературы, к самоотрицанию.

Во-вторых, есть своего рода гибридные образования, обладающие свойствами чтения и литературы одновременно (достаточно вспомнить имена Бориса Виана или Бориса Акунина, который сам предпочитает называть свою «прозу» литературным проектом; дискуссионным в этой связи видится творчество Стивена Кинга, Д.К. Оутс, Пауло Куэлью, Людмилы Улицкой и др.). Наличие гибридов невозможно рассматривать как факт в пользу единой информационно-художественной природы чтения и литературы; в конечном счете, гибрид всегда обнаружит свою подлинную сущность — либо культурную, либо «натурную».

Творчество писателя, если он писатель, всегда в итоге выгодно обществу, о чем бы он ни писал, ибо специализация его — самопознание, непосредственно связанное со сферой духовного производства человека. И напротив: что позволено писателю, недопустимо для автора: о чем бы он ни писал последний, его бездуховная продукция по гамбургскому счету навредит обществу (то есть, развратит потребителя, потакая его читательским амбициям). Писатель, равно как и читатель, — это культурный статус; автор книги, рассчитанной на потребителя, — рыночная развлекательная номинация, коммерческий продукт. Не стоит создавать в обществе иллюзию, будто фотограф-потребитель вдруг заинтересовался художественным изображением, потребитель чтения — литературой и

общество, не понеся никаких ощутимых затрат, в одночасье стало культурным, самым читающим в мире: это самоуспокоение, порожденное сном разума.

Читателем вообще стать непросто; воспитание такового — это длительный процесс, начинающийся в раннем детстве. В юности человек всегда окажется перед выбором — стать ли ему читателем или свернуть на более легкую, менее «душезатратную» дорогу профессионального потребителя массового чтения [Положенцева, Евсеева, Кащенко 2017].

Конечно, взывать к совести авторов наивно (хотя порой очень хочется); однако еще наивнее полагать, что выбор остается за потребителем. Последний всегда выберет автора «классной книжки», поскольку просто не умеет выбирать: это прерогатива личности. Ситуация подлинного выбора появится тогда, когда возникнут условия для развития читательских потребностей.

Читатель или потребитель: вот выбор общества, если называть вещи своими именами. Неизвестно, как общество собирается решать эту проблему; известно лишь, что не решать ее — себе дороже. Бездействие здесь обернется усилением рисков растраты духовных и гуманистических начал.

Список литературы

Андреев А.Н., Кащенко Т.Л., Юлина Г.Н. 2019. Глобализация как литературное явление. — *Власть*. Т. 27. № 1. С. 86-91.

Аралова Е.В. 2014. К истокам искусства как части духовной культуры общества. — *Власть*. № 5. С. 89-93.

Положенцева И.В., Евсеева Т.Г., Кащенко Т.Л. 2017. *Совершенствование образовательных программ по гуманитарным и общественно-научным дисциплинам: учебно-практическое пособие для программы повышения квалификации педагогических работников в системе высшего образования*. Курск: Университетская книга. 229 с.

ANDREEV *Anatoliy Nikolaevich*, *Dr.Sci. (Philol.)*, Professor of the K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (First Cossack University) (73 Zemlyanoi Val St, Moscow, Russia, 109004; anandreev58@mail.ru)

KASHCHENKO *Tatiana Leonidovna*, *Cand.Sci. (Philos.)*, Associate Professor of the K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (the First Cossack University) (73 Zemlyanoi Val St, Moscow, Russia, 109004; tanyakashch@mail.ru); Leading Researcher at the Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Lenigradsky Ave, Moscow, Russia, 125993)

YULINA *Galina Nikolaevna*, *Cand.Sci. (Ped.)*, Associate Professor; Acting Director of the Institute of Social and Humanitarian Technologies, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (First Cossack University) (73 Zemlyanoi Val St, Moscow, Russia, 109004; UlinaGN@mgutm.ru)

MASS LITERATURE AS A FACTOR OF DESTRUCTION OF LITERARY ENVIRONMENT

Abstract. The article considers the problems of mass literature as aesthetic and social phenomena. In connection with the designated criteria of artistry, the authors consider two paradigms, reflecting the dichotomy of the possible and real role of literature in today's society. They also suggest the criteria for distinguishing between literature and non-literature. On the one hand, literature, style, writer, prose, reader, on the other – reading, author, book, consumer. Literature or reading, reader or consumer – this is the choice of society. It is not yet known, how the society is going to solve this problem; it is known only that not to solve it is to increase the risks of embezzlement of spiritual and humanistic principles.

Keywords: mass literature, culture, individual, personality, consciousness, unconscious